

Научная работа кафедры древней истории Исторического факультета Московского государственного университета

(1939—1945 гг.)

За истекшие пять лет кафедрой древней истории Московского государственного университета была проделана значительная научная работа. За период эвакуации университета в 1941—1943 гг. научная деятельность не прерывалась. В эти годы ряд членов кафедры закончил свои докторские диссертации и с успехом защитил их в 1942—1943 гг. Пребывание в Средней Азии было использовано членами кафедры для изучения древнейшей истории Средней Азии, в частности для изучения парфянских древностей и стратегического положения древнего парфянского города, открытого на месте поселения Багир, относительно которого высказано предположение, что это древний парфянский город Ниса.

В течение 1939—1943 гг. члены кафедры древней истории защитили шесть докторских и девять кандидатских диссертаций.

Докторские диссертации были представлены проф. Н. А. Машкиным (1942 г.), проф. А. В. Мишулиным (1943 г.), проф. В. И. Авдиевым (1943 г.), проф. В. Н. Дьяковым (1943 г.), проф. М. О. Косвеню (1943 г.) и проф. В. К. Никольским (1943 г.).

Диссертация проф. Н. А. Машкина на тему «Принципат Августа, происхождение и его социальная сущность» защищалась в Ашхабаде летом 1942г. Это объемистая монография в 40 печ. листов, в которой детально анализируются условия перехода от республиканского строя к императорскому, социальные перемены, происшедшие в Римском государстве в период гражданской войны, после смерти Цезаря, и, наконец, социальная сущность принципата и его характерные черты. Официальные оппоненты проф. А. В. Мишулин и проф. Б. Н. Граков высоко оценили диссертацию, отметив исключительную эрудицию диссертанта в обширной литературе исследуемого вопроса.

Совершенно неисследованной в русской исторической науке теме была посвящена докторская диссертация Сталинского стипендиата Института истории Академии Наук СССР проф. А. В. Мишулина под названием «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г.)». Защита диссертации происходила в июле 1943 г. в Институте истории Академии Наук СССР и привлекла широкое внимание историков Москвы. Официальными оппонентами были акад. В. В. Струве, проф. А. Б. Ранович, проф. Н. А. Машкин и проф. А. В. Арциховский.

Диссертация проф. А. В. Мишулина делится на три части: 1) античная Испания в источниках и историографии, 2) формирование иберийской культуры и первые чужеземцы на острове, 3) древние иберы против карфагенских и римских завоевателей.

А. В. Мишулин сумел, как это было отмечено всеми оппонентами, путем изучения огромного материала археологических публикаций и письменных источников, разрешить вопрос о возникновении иберийской культуры и народа (этногенез), определить место культуры иберов среди других культурных явлений Средиземноморья, показать, что древние иберы находились на той стадии общественного развития, которая носит название «военная демократия». Диссертант осветил борьбу иберов за независимость против чужеземцев—финикийцев, карфагенян и завоевателей-римлян, в которой они отстаивали свою оригинальную культуру.

Диссертация проф. В. И. Авдиева, защита которой происходила также в Институте истории Академии Наук летом 1943 г., была посвящена изучению Древнего Египта и носит название «Предпосылки завоевательной политики Египта в Передней Азии в эпоху Нового царства» (25 печ. листов). Официальные оппоненты акад. В. В. Струве, доктор исторических наук А. Б. Ранович, М. А. Коростовцев и Б. Н. Граков подчеркнули несомненное достоинство работы проф. В. И. Авдиева, хотя в результате детального разбора всего исследования выдвинули ряд существенных возражений.

Диссертация проф. В. Н. Дьякова на тему «Таврика в эпоху римской оккупа-

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ И ЕГО ПЕРЕПИСКА С ТРАЯНОМ

Литературное наследство Плиния Младшего: девять книг «Писем к друзьям» «Переписка с императором Траяном» и «Панегирик Траяну» — дает нам богатый материал для его биографии. Кроме того, сохранилось несколько надписей, посвященных непосредственно Плинию или косвенно о нем упоминающих, найденных в его родном городе Комум в Северной Италии.

На основании всего этого литературного и эпиграфического материала Моммзен составил исчерпывающий очерк биографии Плиния («Hermes», 3, 1869). Однако впоследствии аргументы Моммзена подверглись критике и в некоторых случаях были даже опровергнуты (работы Stobbe, Otto, Guillemin и др.), и в настоящее время его стройная система в распределении отдельных моментов жизни Плиния уже не внушает того безусловного доверия, которое она всем внушала в момент выхода в свет его исследования. Основной ошибкой Моммзена является то, что он считает 9 книг «Писем Плиния к друзьям» материалом, расположенным строго хронологически. Между тем позднейшие исследования литературного характера установили, что «Письма Плиния к друзьям» являются скорее художественным произведением, чем действительными письмами. Адресаты выбраны иногда совершенно условно; писем, адресованных к ним, они на самом деле от Плиния не получали. Наконец, у нас нет никаких оснований отнести с недоверием к словам самого Плиния, который в первом же письме I книги, играющем роль введения ко всему сборнику, совершенно ясно говорит: «Я подобрал свои письма для издания, не соблюдая их хронологической последовательности (ведь не историю собираюсь я писать), но в таком порядке, как они мне попались под руку». Таким образом, под сомнение попадает и вся хронологическая канва автобиографических данных.

Надписи, относящиеся непосредственно к Плинию, очень лаконичны; они дают в сущности только перечень исполнявшихся им должностей и порядок их и указывают, какие Плиний сделал пожертвования своему родному городу. Наиболее содержательной является надпись, найденная в родном городе Плиния Комум и хранящаяся в Миланском музее (CIL V, 5262).

В русском переводе эта надпись гласит следующее: «Гай Плиний, сын Луция, уфентинец, Цецилий Секунд, консул, авгур, легат, пропретор в провинции Монте и Вифинии с властью консула, посланный в эту провинцию по постановлению сената императором цезарем Нервой Траяном Августом Германским и Дакийским, оберегатель русла реки Тибра и его берегов и водостоков города, префект эрария Сатурна, префект казнохранилища воинов, народный трибун, квестор императора, член коллегии семи римских всадников, военный трибун III Галльского легиона, децемвир для разбирательства судебных тяжб, построив термы, предоставил для украшения их 300 000 сестерциев и, сверх того, для поддержания их 200 тыс. сестерциев. На содержание вольноотпущенников своих в числе 100 человек завещал 1 866 666 сестерциев, с тем чтобы проценты на эти деньги шли затем на угощение городского плебса; кроме того, при жизни предоставил на содержание мальчиков и девушек из городского плебса 500 тыс.

сестерциев, также пожертвовал библиотеку и на ее содержание 100 тыс. сестерциев».

Если же, следуя за Моммзенем, отнести к материалам и надписи, лишь косвенно относящиеся к Плинию, то на основании их можно делать, правда, многочисленные предположения, однако больше нигде не находящие себе подтверждения.

Таким образом, приходится сказать, что, несмотря на обилие материала, мы, по видимому, все же не знаем ни личности, ни даже имени родного отца Плиния, не знаем и точной даты его рождения.

Год рождения Плиния мы можем определить только на основании косвенного указания в одном из его писем (VI, 20), где он говорит, что в момент извержения Везувия в 79 г. н. э. ему шел восемнадцатый год. Мы относим его таким образом к 62 или 61 г. н. э. Родным городом его отца и матери был Комум, современный Комо, в Северной Италии. Отец Плиния был из рода Цецилиев, мать его была родная сестра Гая Плиния Секунда, известного ученого натуралиста. Отца своего Плиний потерял еще в младенчестве, опекуном его был назначен Вергиний Руф, очень популярный среди воинов полководец, дважды провозглашавшийся императором в смутные 68—69 гг. и дважды отказавшийся от этого сана.

Род отца Плиния (Цецилии), так же как и род его матери (Плинии), принадлежал к всадническому сословию и был приписан к Уфентинской трибе. Они были очень состоятельны, обладали многочисленными поместьями в окрестностях Комо и в Этрурии, которые впоследствии в результате ряда наследований перешли во владение самого Плиния. Семья его была на виду и в родстве и в дружеских отношениях со многими известными и знаменитыми людьми.

Еще в родительском доме Плиний получил основы своего литературного образования и в возрасте 14 лет уже написал греческую трагедию. Позднее он слушал лекции знаменитого риторика Квинтилиана и философа Музония.

В последние годы жизни своего знаменитого дяди Плиний вместе со своей матерью находился при нем, пользуясь его полезными наставлениями, проводя время в занятиях литературой. Он сопровождал своего дядю летом 79 г. в Мизенум, куда тот был назначен командовать флотом, и только потому не погиб вместе с ним 24 августа того же 79 г., что отказался поехать с ним ближе к месту извержения Везувия, не желая прерывать чтения сочинений Тита Ливия. По завещанию своего дяди он был им усыновлен и с тех пор, переименовав свое личное имя на имя усыновителя и прибавив его родовое имя к своему, стал именоваться Гай Плиний Цецилий Секунд.

Свою собственную служебную карьеру Плиний начал очень рано. Его первое выступление перед судом ста в качестве судебного защитника состоялось в девятнадцатилетнем возрасте. Вскоре после этого мы видим его членом коллегии *litibus iudicandis*. 13 сентября 81 г. он стал военным трибуном III Галльского легиона—в то время это была должность при штабе—и уехал в Сирию, где стоял его легион. Отбыв военную службу, которая в то время продолжалась не более шести месяцев, Плиний не торопился вернуться в Рим и воспользовался своим пребыванием на Востоке, чтобы прослушать курсы философов Евфрата и Артемидора; с последним он впоследствии поддерживал дружескую связь в Риме и оказал ему поддержку в тяжелые для него дни.

По возвращении в столицу, в неизвестное нам в точности время, Плиний продолжал свои судебные выступления перед судом центумвиров, который разбирал преимущественно дела гражданские. Заседания этого суда происходили в базилике Юлия и были доступны широкой публике. Плиний скоро снискал себе популярность и стал тщательно отделять свои речи и издавать их. Так его ораторская деятельность оказалась тесно связанной с литературной. Суд центумвиров сделался главной ареной его деятельности, тем более, что в начале 90-х годов он и сам был назначен членом этой судебной коллегии.

Успешное прохождение последовательных ступеней государственных должностей началось для Плиния в конце 80-х годов. Он был квестором, потом народным трибуном,

наконец, около 93 г.¹ претором. В этот период своей служебной карьеры Плиний, несомненно, пользовался милостью и покровительством Домициана; после отбытия должности квестора он был зачислен в сенат, после же своего преторства был назначен префектом военной казны (*praefectus aegarii militaris*). В это же время начались выступления Плиния с судебными речами перед сенатом.

Крупный ораторский талант Плиния, его успешные выступления перед судом, его популярность не только как оратора, но и как литератора, наконец, его видное общественное положение привели к тому, что сенат стал поручать ему ведение наиболее ответственных и громких процессов.

Во время казней в последние годы правления Домициана среди пострадавших было много друзей Плиния, между прочим и философ Артемидор, с которым Плиний познакомился на Востоке и которому он не побоялся оказать поддержку в изгнании. Сам Плиний уцелел лишь благодаря случайному стечению обстоятельств: в архиве Домициана был найден донос и на него, но до него просто не дошла очередь, когда в 96 г. с убийством Домициана окончился этот мрачный период.

При императоре Нерве (96—98) политический режим резко изменился, прекратились преследования бывших оппозиционеров, — наоборот, под ударом оказались бывшие клеветы Домициана, ненавистные обществу доносчики. Плиний проявил при этом большую сдержанность и только примерно через год выступил с обвинением Публиция Церта, бывшего в свое время обвинителем казненного друга Плиния — Гельвидия. Надо думать, что в этот период Плиний, продолжавший выступать в судебных процессах преимущественно по делам о вымогательствах (*de repetundis*), привлекает к себе внимание Нервы и сближается с Траяном. Он был назначен на освободившуюся со смертью Церта должность префекта государственного казначейства (*praefectus aerarii Saturni*).

К моменту прихода Траяна к власти в 98 г. общественное положение Плиния было блестяще. Он был богат, обладал несколькими поместьями, из которых особенно его вилла в Лаурентинуме, близ Рима, пользовалась широкой известностью по красоте и роскоши убранства. Он имел большие связи, был к этому времени уже дважды женат и вторично вдов (имя его первой жены нам не известно, вторая его жена была дочерью богачки Помпеи Целерины), готовился вступить в третий брак с сиротой, внучкой влиятельного в его родном городе Комум Кальпурния Фабата. Он был известен как литератор и оратор. Молодые люди из провинции приезжали в Рим специально, чтобы слушать выступления Плиния, имя его называлось рядом с именем Тацита. Сам Траян слушал его речи. Так, по словам Плиния (II, 11, 12), во время его речи на процессе Мария Приска в 100 г. н. э.), продолжавшейся 5 часов, император принимал в нем такое участие, что посылал к нему своего вольноотпущенника сказать, чтобы он себя берег и не слишком утомлялся. Плиний скоро попал в число близких Траяну друзей, и его в числе немногих приближенных императора приглашали на виллу Траяна, куда тот любил уезжать, чтобы в тишине сельской обстановки разбирать постоянно накапливавшиеся важные дела (VI, 31).

В 100 г. Плиний был, наконец, консулом. Этот год известен как год третьего консульства Траяна. Однако консульская должность в это время была лишь почетным званием, не связанным с какой-либо реальной властью; проведение того или другого должностного лица в консулы являлось знаком особого внимания к нему со стороны императора. В течение года сменялось шесть пар консулов, и каждая из этих пар носила это почетное звание всего в течение двух месяцев. Плиний вместе с Корнутом Тертуллоном был консулом, повидимому, от сентября до ноября². При вступлении в эту должность Плиний произнес свой знаменитый панегирик императору.

¹ По вопросу о сроке претуры Плиния существует целая литература. Моммзен указывает именно 93 год. Otto отодвигает этот срок на два года позже. Мнения других исследователей разделяются между этими двумя сроками.

² Есть некоторые основания предполагать, что к 1 сентября срок его консульства окончился (см. письмо 8).

Вершина служебной и общественной карьеры Плиния падает на первое десятилетие II в. н. э. За это время Плиний по собственному желанию получил одну из высших жреческих должностей: он становится в 103 г. со смертью Фронтинуса авгуром, а в 105 г. куратором Тибра и всей водосточной системы Рима (*curator alvei Tiberis et riparum et cloacarum Urbis*). На него сыплются милости императора не имея совершенно детей, он получает права и привилегии отцов трех детей. Траян ему ни в чем не отказывает, исполняет малейшее его желание, по его просьбам раздает щедрой рукой права римского и всякого другого гражданства и должности не только друзьям Плиния, но и друзьям его друзей. Наконец, в 111 или 112 г. Траян назначает его своим наместником с консульской властью в трудную для управления Вифинию.

Плиний писал много: трагедии, стихи (правда, по большей части неудачные), судебные речи, трактаты по философии, наконец, сотни писем. Все это он тщательно отделявал, имея перед глазами неизменно образ Цицерона, которому во всем хотел подражать. Все свои произведения он сам и издавал. Он не расставался с табличками даже во всех своих разъездах и путешествиях. Но Плинию не удалось создать какое либо крупное и значительное произведение, которое сохранило бы ему место наряду с великими его современниками—Тацитом, Марциалом, Ювеналом. От его литературного творчества сохранилась лишь небольшая часть, и, надо думать, лучшее из всего, что им было написано. Это девять книг писем к друзьям, одна книга переписки его с Траяном и панегирик Траяну. Но все это имеет гораздо большее значение в качестве исторических материалов, относящихся к определенной эпохе, нежели литературных памятников. На всем этом видны черты подражания великому образцу Цицерона, но то, что у Цицерона было естественно, вытекало из реальной окружающей его действительности, то у Плиния—искусственно, надумано. В письмах Цицерона мы находим живое, волнующее отражение богатой политическими событиями эпохи; письма же Плиния к друзьям нарочито придуманы, многие адресаты их, может быть, никогда их не получали или даже были лицами вымышленными.

Плиний не поднимался выше среднего уровня тогдашнего римского образованного общества, не обладал широким кругозором, часто останавливался на незначительном и получал восторженное поклонение от посредственности.

Просвещение его носило книжный характер, и он не умел давать правильную оценку окружающей его политической обстановке. Он был искренне уверен в возможности возрождения древней римской доблести путем усердного подражания древним образцам. Он не отдавал себе также отчета в том, насколько сам подвергался новым влияниям, Интересно его отношение к рабам. Обладая большим количеством рабов в своих поместьях, он был гуманным господином, предоставлял своим рабам некоторые удобства жизни и относительную свободу поведения, заботился об их здоровье.

Так, в письме к Патерну (VIII, 16) Плиний пишет: «Меня сразили болезни моих рабов, даже смерти, в том числе и молодых. Есть у меня только два утешения, хоть и несравнимые ни в какой мере с тяжестью горя, но все же два утешения. Первое—это возможность отпускать на волю, ибо, отпуская их на свободу, я теряю их все же не совсем в незрелом возрасте; второе—это то, что я разрешаю и рабам составлять как бы завещания и соблюдаю их, как законные. Они поручают мне или просят, что найдут нужным, а я выполняю это, как приказ. Они распределяют свое имущество, дарят, завещают в пределах дома, ведь для рабов дом—нечто вроде республики, как бы государство».

Но вместе с тем он несколько не протестовал против самого рабовладения, обвинял рабов в лени и распущенности, сваливал на них вину за упадок своего хозяйства. Он был просвещенным рабовладельцем, но его гуманность по отношению к рабам объясняется главным образом соображениями выгоды.

Последние 2—2½ года своей жизни Плиний был легатом императора—наместником в Вифинии и Понте (*legatus imperatoris consulari potestate*). Девять книг писем к друзьям были, повидимому, выпущены в свет до его отъезда из Рима, и он, пребывая наместником Вифинии, больше литературой не занимался, не имея для этого времени. Наместничества во в Вифинии и Понте требовало особых качеств и особой бдительности. Жизнь этой восточной провинции в политическом отношении была беспокойна. Часть общества пло-

хо мирилась с владычеством Рима, на проконсулов не раз подавались жалобы, имелись сношения с царями и царьками дакийскими и парфянскими, часто организовывались заговоры и тайные политические общества. Эти обстоятельства заставили Траяна обратить на эту провинцию особое внимание, тем более, что, готовясь к войне с парфянами, он хотел приготовить себе в Вифинии и Понте прочный и надежный тыл. В связи с этим решено было послать туда правителем не проконсула обычного типа, а легата, наместника императора. Плиний был избран Траяном как человек, лично ему знакомый, просвещенный, гуманный, тактичный. Однако Плиний чувствовал себя растерянным на своей новой должности, политически неподготовленным, не знающим самой техники управления. Это заставляло его постоянно по вопросам как важным и крупным, так и мелким и незначительным запрашивать мнение императора. Именно эти-то личные качества Плиния и являются причиной того, что сохранившаяся до нас его переписка с Траяном представляет собой исторический материал громадной ценности, в некоторых случаях единственный по обилию фактов, знакомящий нас с разными сторонами жизни и управления восточных провинций. В переписке отразилась не только официальная сторона управления, но и будни, и повседневные условия жизни и быт. Наконец, в переписке проходит перед нами целая галерея интересных, выхваченных из жизни лиц: вольноотпущенников-чиновников, коммерсантов, предпринимателей, ремесленников; доносчиков, стряпчих по разным делам, авантюристов.

Вторым соавтором переписки является император Траян. Имя его связано со многими важными моментами в истории Римской империи: он был первый император из провинциалов, с него начался ряд императоров, наследовавших своим предшественникам по усыновлению; его приход к власти означал закрепление нового политического режима после деспотического управления Домициана (правление Нервы было очень кратко и было только как бы преддверием нового времени); с другой стороны, он был последним императором, победоносными войнами расширявшим пределы империи.

Мы видим из переписки, что Траян был не только воителем, но и в отношении внутреннего управления представлял собой выдающегося государственного деятеля. На все многочисленные и весьма разнообразные вопросы Плиния у него всегда есть ответ, твердо принятое мнение. Лишь один-два раза уклоняется он от прямого разрешения заданного ему вопроса. Он, как и Плиний, плохо знает детали административной процедуры. Но везде, где дело касается принципа, основного положения, он дает ясные указания. Широкий либерализм и гуманность, уважение к законности и отсутствие узкого педантизма, умение разобраться в вопросе по существу, не ограничиваясь формальной стороной дела, уважение к традициям и местным обычаям— вот в основном главные черты его политики, как она выявляется в переписке с Плинием.

Нельзя не отметить безукоризненный стиль его ответных писем. Он краток, ясен, убедителен, деловит. Нет сомнения, что подавляющее большинство этих писем, если не целиком, составлял не сам Траян, мы не можем предполагать такого безукоризненного стиля у человека, рука которого более привыкла держать меч, чем стилос. К услугам Траяна была целая канцелярия с большим штатом писцов и секретарей, пользовавшихся чьим-нибудь опытным руководством; есть предположение, что большую роль в ней играл известный в то время литератор Сервий Кальв. Интересно сравнить со стилем его писем стиль декрета Нервы, к которому вполне можно применить эпитет канцелярского. Особенно приятное впечатление производит отношение Траяна к Плинию, общий тон его писем к нему. Он не мог не видеть слабости и растерянности Плиния. Поэтому в письмах поражает сдержанность Траяна, его снисходительность к слабости Плиния вместе с уважением к личности своего корреспондента.

Дата смерти Плиния нам неизвестна. Очевидно, он умер на служебном посту наместником Вифинии до 114 г., или во всяком случае до конца 114 г.¹ Столь ценная для

¹ Приведенная выше надпись, воздвигнутая в Комуме в ознаменование смерти Плиния, перечисляющая все занимавшиеся им должности и дающая полный титул императора Траяна, не включает, однако, титула *Optimus*, который неизменно упоминался во всех надписях, начиная с 114 г.

изучения этого времени переписка его с Траяном продолжалась, повидимому до самой его смерти.

Переписка Плиния с Траяном составляет десятую книгу в полном собрании сохранившихся произведений Плиния, но судьба этой десятой книги была иная, нежели судьба остальных книг. Свои письма к друзьям Плиний издавал сам. Письма его в скором времени стали популярны, многократно переписывались, широко распространялись не только в столице, но и по провинции. Надо думать, что они пользовались славою образцового произведения эпистолярного стиля и для многих поколений служили предметом подражания. В таком именно значении находим упоминание о них у писателя V в. Аполлинария Сидония (epist. 9), причем из этого упоминания видно, что позднейшие эпистолографы старались подражать, главным образом, внешним сторонам его произведения—количеству книг, общему числу писем, заголовкам и т. п.:

Переписка же с Траяном была впервые издана уже после смерти Плиния и, надо думать, также после смерти Траяна. Кто был ее издателем—неизвестно. Есть основания предполагать, что из ее издания был исключен целый ряд писем, заключавших в себе некоторые государственные тайны. Только таким предположением и можно объяснить полное отсутствие в переписке писем, касающихся Парфянского царства и всей продолжительной подготовки к военному походу против парфян, осуществившемуся в 114 г. н. э.

Когда в конце XV в. стали воскресать памятники античной литературы, письма Плиния к друзьям стали известны намного раньше, чем переписка его с Траяном. Впервые полностью переписка была издана лишь в 1508 г. венецианцем Aldus Manutius где она составила десятую книгу писем Плиния. Это новое издание опиралось на сделанное незадолго до того открытие. В конце XV в. доминиканский монах Юкундус нашел в Париже полную рукопись всех известных нам произведений Плиния Младшего. Рукопись была написана на пергаменте чрезвычайно древним шрифтом, как думали видевшие его Юкундус и Мануциус, и, по мнению Мануциуса,—современным самому Плинию. Юкундус сделал полную копию с этого списка, известного под именем Парижского. Подлинный же список попал в руки венецианского посла при дворе французского короля Франциска I, Алоизо Мочениго, который через некоторое время сам лично перевез его через Альпы в Венецию и там преподнес тому же Мануциусу.

Впоследствии Парижский список пропал. Есть предположение, что одним его фрагментом, именно частью II и III книги, является купленная в 1910 г. в Италии американцем Морганом древняя рукопись VI в. От находки же Юкундуса осталась сделанная лично им копия, которая тогда же, в начале XV в., попала в руки ученого грециста Будая. Он уже работал над текстами Плиния, имея издания Бераальда (1503 г.) и Авантия (1502). Последнее он дополнил письмами Плиния к Траяну, соединил это все в одну книжку, на которой сделал множество примечаний, вписав также много разночтений из копий Парижского списка. Так возникло первое критическое издание переписки. С него делалось много переизданий, до тех пор пока в начале XVIII в. оно вдруг не исчезло. Список был обнаружен лишь примерно через 150 лет в хранилище Бодлейской библиотеки в Оксфорде (в 1888 г.). Только после этого началась исследовательская работа по сопоставлению текстов в изданиях, опиравшихся на столь различные источники. В результате приходится признать спорными многие места в переписке Плиния с Траяном, некоторые из которых по содержанию весьма ответственны (см. об этом в примечаниях к письмам).

При таких превратностях истории текста «Переписки», естественно, могло бы возникнуть сомнение в ее подлинности как в отдельных ее частях, так и в целом. Однако, если вполне правдоподобно предположить частичные позднейшие интерполяции, как это, например, доказывается относительно письма 96 о христианах (см. примечание к письму 96), то предположение неподлинности всей «Переписки» целиком приходится решительно отвергнуть.

Во всяком случае в «Переписке» историк имеет важнейший материал из истории Римской империи конца I и начала II в., достойно оцененный в свое время Моммзенем освятившим Плинию Младшему специальное исследование (Zur Lebensgeschichte

des jüngeren Plinius. «Hermes», 1869, 3, стр. 13—169) и Index Plinii. Переписка отражает многие частные вопросы римской и италийской жизни, главным же образом условия жизни и управления провинций, в частности Понта и Вифинии.

По отзыву Гиршфельда (Otto Hirschfeld, Die Sicherheitspolizei im Römischen Reiche. «Kleine Schriften», № 39), по некоторым вопросам управления провинций переписка Плиния с Траяном представляет собой единственное и притом исключительно важное документальное свидетельство.

Интересны и содержательны письма Плиния, и не относящиеся ко времени управления Вифинией. Эти письма имеют преимущественно автобиографическое значение. Из них мы узнаем о должностях, которые занимал Плиний в тот или другой момент, о его выступлениях по поручению сената, о его личных и семейных делах, о некоторых друзьях Плиния и о их желаниях и нуждах; наконец, в этих немногочисленных письмах (всего 14) прекрасно раскрывается характер взаимных отношений Плиния и Траяна, их дружба.

Наиболее важным из затронутых в «Переписке» вопросов является вопрос о сельском хозяйстве. Здесь мы встречаем одно из ранних упоминаний о колонах. Состояние собственного хозяйства Плиния неважно. Поместья дают слишком мало дохода. Плиний являлся обладателем весьма обширных земель и охотно прикупал к ним новые; одни только его этрусские владения около Тифернума Тиберинского давали ему за аренду виноградников 400 тыс. сестерциев дохода в год. Отказавшись, наряду с целым рядом других землевладельцев, от применения труда рабов, Плиний сдавал свои виноградники в аренду колонам. Но и они платили ему плохо, так что Плиний намеревается снизить арендную плату¹. Правда, мы не узнаем от Плиния ни о точных размерах его поместий, ни о количестве колонов, но все же в его письмах встречаются важные штрихи для характеристики сельского хозяйства его времени.

Основная масса писем Плиния и ответов на них Траяна раскрывает положение провинции Вифинии (вернее, Понта и Вифинии) и практику римской администрации в ней. Во времена Траяна восточные дела и восточные провинции приобретали в глазах римского правительства особенно большое значение. Уже зарождалась проблема восточной опасности, которая впоследствии (в I и IV вв.) почти целиком поглощала внимание и силы правителей империи в ущерб даже их вниманию к опасности германской. Парфянское царство загораживало торговые выходы римлян на восток. Цари парфянские занимали по отношению к Риму явно недружелюбную позицию, втягивали в свою политику царей армянских, угрожали благополучию малоазиатских римских владений. Война с парфянами становилась неизбежной. Это был только вопрос времени.

Вифиния, бывшая на положении римской провинции уже с 75 г. до н. э., первоначально самим Помпеем, ее первым устройтелем, была объединена с Понтом, откуда и закрепилось официальное ее обозначение: Понт и Вифиния. Однако впоследствии, в связи с возобновившимися военными действиями на территории Малой Азии, Вифиния была объединена с провинцией Азией. В дальнейшем она находилась некоторое время под властью Антония и лишь при Августе сделана была самостоятельной провинцией. При Нероне Вифиния была объединена снова в одну административную единицу с Понтом, бывшим до того времени частично во владении полусамостоятельных князьков. Переход на новое положение римской провинции не мог не отразиться на этой территории болезненно. Все нивелирующий железный кулак покорителей-римлян, по образному выражению Энгельса («Из истории первоначального христианства»), разрушал все старые общественные условия жизни. Гнет огромного римского государства ложился особенно тяжелым бременем именно на провинции, что неизбежно вызывало недовольство массы населения.

В частности, в Вифинии положение было беспокойным, подозрительным. «Переписка» дает нам богатый материал в этом отношении. Мы узнаем из писем Плиния, что несколько его предшественников по управлению Вифинией вызвали недовольство и протесты мест-

¹ Из другого места (IX, письмо 37) мы узнаем, что он собирался перевести их на издольщину.

ного населения. Когда Юлий Басс был обвинен вифинцами в вымогательствах, встревоженное римское правительство, чтобы дать полное удовлетворение вифинцам, отдало его под суд, а все его распоряжения по провинции аннулировало. Однако Плиний, бывший тогда еще в Риме и часто выступавший на судебных процессах, велся защищать его и, доказав невиновность Басса, выиграл этот процесс. При ближайшем рассмотрении положения в Вифинии пришлось бы констатировать, что хозяйство страны в упадке, авторитет римских администраторов невысок, порядка в делопроизводстве мало. Римские правители нуждаются в вооруженной охране, ее приходится увеличивать, когда административное лицо отправляется по стране для сбора зерна. Небезопасно организовать команду пожарных по борьбе с разрушительными пожарами: формой подобной команды или артели смогут прикрыться тайные политические союзы или партии. Подозрение у римского администратора вызывают даже празднества и пиры отдельных богатых граждан, потому что большие скопления народа вокруг щедрых и популярных лиц кажутся угрозой римскому владычеству. Тюрьмы полны заключенных, неизвестно даже, кому их охранять: на общественных рабов надежда плоха, римским воинам этого поручать нельзя, потому что в нужный момент их может не оказаться в должном количестве под знаменами. Подозрительными кажутся сборы средств горожанами для своих собственных нужд, — ведь неизвестно, на что именно они будут истрачены. Подозрительны и непонятны христиане, с которыми Плиний столкнулся в своей провинции впервые.

Но правительству Траяна это положение было известно раньше, чем оно оказалось зафиксированным в письмах Плиния. Известно было многое и сверх того, что сообщено Плинием. Во многих городах этой провинции сильно еще чувствовался непокорный дух прежних свободных греческих городов, который мог оказаться благодарной почвой для мятежа. Какие-то элементы в стране имели связи с явными и замаскированными врагами римского государства — с царьками дакийскими, с армянским и парфянским царями. Римское правительство уже с самого превращения Вифинии и Понта в провинцию стремилось сблизиться с населением этой страны: оно превращало села в города, насаждало культуру — правда, в основном, греческую, — одаряло города, оказывавшие римлянам какие-либо услуги, особыми привилегиями или правами римских колоний. Так, еще от Юлия Цезаря такие права получили Синопа и Апамея; впоследствии «свободными» городами стали также Гераклея, Никомедия, Прусиада у моря, Халкедон, Византий и др. Однако Гераклея и Никомедия были лишены своих привилегий за выступление против римлян, и еще во времена Плиния крупнейший город Вифинии, ее центр, Никомедия, был на подозрении у римского правительства и свои прежние привилегии получил лишь в III в.

Положение в Вифинии было признано угрожающим. Этим объясняется, что Траян решил заменить ежегодно сменявшихся проконсулов в этой истарии сенатской¹ провинции правителем с особыми полномочиями на более продолжительный срок.

Миссия Плиния состояла в том, чтобы упорядочить финансы провинции, позаботиться о путях сообщения как для торговых, так и для военных целей, улучшить благоустройство городов, а главное — превратить эту провинцию из мятежной и подозрительной в безусловно благонамеренную и надежную. Траян несколько раз в своих ответных письмах Плинию возвращается к тому, что своим неизменно гуманным и либеральным управлением Плиний должен создать у жителей провинции впечатление об особой заботливости императора, о готовности пойти навстречу всем желаниям и нуждам провинциалов. Это должно было настолько ослепить их, чтобы они и не заметили, как при этом лишились последних следов своей былой независимости и городской свободы. Удобно было использовать с этой целью начавшееся в провинции в грандиозном масштабе общественное строительство, но главным образом надо было взять под свое наблюдение городские сенаты и провинциальные собрания.

Следуя указаниям Траяна, Плиний занялся в первую очередь приведением в поря-

¹ С 27 г. до н. э., когда впервые при Августе провинции были поделены на сенатские и императорские.

док финансов. Финансовое управление в провинциях состояло не только в том, что римский администратор (проконсул или особый легат) производил сбор налогов, в чем ему непосредственно должны были помогать члены местных сенатов (декурионы или булевты), и отправлял собранные средства в Рим,—он должен был еще контролировать распоряжение местными городскими средствами, получавшимися от аренд городского имущества, от подрядов, продажи, от финансовых операций. Городские советы протестовали против контроля над ними со стороны римской администрации (письма 47, 48).

Много материалов дает «Переписка» для освещения положения провинциальных сенатов. Здесь, повидимому, тоже не все было благополучно. Существовали законы, регулирующие состав городских советов в провинции, их права и функции. Это, к сожалению, не дошедшие до нас и неизвестные нам в точности законы Помпея и поясняющие и, быть может, несколько видоизменяющие их эдикты Августа. Как известно, на провинциальные сенаты переносились в основном положения, действовавшие во времена республики в самом Риме: в сенат зачислялись лица, отбывшие государственную службу по одной из курульных должностей, достигшие 30-летнего возраста. Списки сенаторов проверялись и утверждались цензорами или дуовирами. Впоследствии (при Августе) возрастная норма была снижена до 25 лет.

Но практика провинциальной жизни в Вифинии мало считалась с этими узаконениями: местная аристократия и денежная знать стремились захватить свой местный сенат целиком в свои руки и проводили в его члены своих сыновей и моложе указанного возраста и без предварительного стажа государственной службы. Римское правительство, учитывая такую тенденцию аристократии и подозрительно относясь к ее чрезмерному влиянию, стремилось втянуть эти провинциальные сенаты в систему своего правительственного аппарата. Члены сената фактически проводили сборы налогов в доход римской казны (Marquardt, *Römische Staatsverwaltung*, т. I, стр. 503). Вступление в члены сената подтверждалось соответствующим актом центрального римского правительства. Некоторые лица назначались из Рима сверх нормы; зачисленные таким правительственным постановлением в сенат, они в виде благодарности вносили добровольно в казну некоторую сумму денег—*summa honoraria*, а как раз незадолго до приезда Плиния в Вифинию проконсул Аниций Максим стал требовать такие взносы уже и в обязательном порядке (письмо 112), назначая для разных лиц различные суммы по их состоятельности. Таким образом, Плиний знакомит нас с первым отправным моментом того процесса, который в автократических интересах Римской империи в конце концов совершенно видоизменил самые основы провинциальных сенатов.

Те же письма Плиния показывают нам в зародышевом состоянии еще другой важнейший исторический процесс, именно—закабаление декурионов.

В самом деле, хотя Траян и отвег с негодованием предложение Плиния распределять ссуды из общественных средств среди декурионов насильственно, ввиду того, что эти средства не находили себе свободного спроса, однако не нужно было обладать особенно крупным государственным умом, чтобы прийти к такой мысли в поисках выхода из начавшегося уже тогда финансового кризиса, и нам становится совершенно понятным, что в дальнейшем, т. е. в III и IV вв. (декреты Валериана, Диоклетиана, Константина и др.), римское правительство избрало именно такой путь насильственного навязывания декурионам некоторых общественных и административных функций.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы все в вопросе о провинциальных сенатах стало для нас до конца ясным из «Переписки». Так, например, совершенно еще неясным остается вопрос о тех узаконениях и инструкциях, которыми должны были руководствоваться цензоры при проверке списков сенаторов. К сожалению, много очень ответственных мест в первоначальных списках «Переписки» сильно испорчено, и чтение их не может пока еще быть установлено в бесспорной редакции. Так, например, спорным является и возраст в 25 лет (может быть и 22 года), указанный в упоминаемом в «Переписке» эдикте Августа. Значение «Переписки» в этом случае заключается в том, что она выдвигает этот вопрос для специального исследования.

Далее из «Переписки Плиния с Траяном» мы узнаем, как римским правительством

использовалось в целях политического воздействия на провинциалов городское общественное строительство. В городах затеваются строительства новых бань, театров, гимнасиев, грандиозных водопроводов и каналов, города приводятся в состояние благоустройства. Но сами провинциалы плохо справляются с этим делом. Тратятся громадные средства, но не хватает архитекторов, землемеров, нивелировщиков. Некоторые постройки консервируются, средства оказываются все израсходованными, надо собирать новые. Но вот римский администратор—в данном случае Плиний—берет это дело под свое наблюдение. Нужные люди могут быть вызваны из других провинций; сметы проверяются им самим и получают санкцию от самого императора; многие постройки должны получить имя божественного Траяна, должны быть связаны в сознании провинциалов с его благим управлением. Так римское правительство берет под свой контроль даже чисто местные дела, упраздняя все, что еще оставалось от самостоятельности городов.

Наконец, «Переписка» дает нам важнейший материал для освещения вопроса о провинциальных собраниях (*concilia*). Когда-то они имели большое политическое значение, ко времени же Плиния их роль была ограничена исключительно религиозными функциями, и какой-нибудь вифиниарх или понтарх, несмотря на всю звучность их громких титулов, были всего только организаторами священных молебствий в честь императора. культ императора успел уже и раньше пустить в Вифинии глубокие корни. Много содействовал этому личный патронат императоров над тем или другим городом. Так, например, в Синопе был даже особый жрец культа Юлия Цезаря (*Sacerdos imp. Caesaris nostri*), в Амастриде был свой культ Августа, в Прусе культ Клавдия практиковался даже в частном доме какого-то местного богача. Из писем Плиния узнаем некоторые подробности этого дела. Молебствия приурочиваются ко дню рождения императора или вступления его в управление империей. Если присутствует сам наместник императора, то ему принадлежит первая роль. Он произносит слова обетов, другие за ним лишь повторяют, строго соблюдается ранг участников торжества и т. д. Сам Плиний был авгуром, но это имело исключительно политическое значение. В вопросах сакрального права он часто был очень неуверен, но он соблюдал интересы государственной римской религии, перед которой все местные религии и культы не имели никакого значения.

Так обрисовывается в «Переписке Плиния с Траяном» политика Римской империи по отношению к восточным провинциям.

Интересными представляются нам и ответные письма императора.

Траян не оставил неразрешенным ни одного сомнения Плиния. Его ответы всегда точны, ясны, безупречны в отношении стиля, всегда направлены на самое существующее в затронутом вопросе. Часто в ответах Траяна, в противоположность некоторой многоречивости Плиния, кратко излагается главная суть дела, расчлененная иногда по пунктам, с предусмотрением всех возможных в данном случае вариантов. Примером служит письмо Плиния об ответственности за проникновение рабов в римское войско (письма 29 и др.). Надо узнать,—пишет Траян,—как попали в число новобранцев эти два раба: если по набору—ответственен за это производивший набор; если они поставлены кем-нибудь в качестве заместителей, виновны поставившие их за себя; если же, наконец, они попали в армию добровольцами,—подлежат строжайшей ответственности они сами.

В то же самое время все ответные письма Траяна представляют собой прекрасные образцы деловой правительственной переписки и свидетельствуют о хорошей постановке дела в императорской правительственной канцелярии.

В. Соколов

